

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Халиуллин Карим Ришатович

**Война и русская поэзия первой половины XIX века:
Официальная идеология и поэтические концепты**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2022

Работа выполнена в Отделе пушкиноведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН)»

Научный руководитель

кандидат филологических наук, доцент факультета истории искусств
АНОО ВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Ларионова Екатерина Олеговна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Лебедева Ольга Борисовна

кандидат филологических наук, профессор департамента филологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

Калугин Дмитрий Яковлевич

Ведущая организация

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится «30» июня 2022 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 002.208.01 при ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН»

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН»

Автореферат разослан «   » _____ 2022 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
доктор филологических наук

Г. В. Петрова

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена описанию взаимного влияния политического и поэтического военного дискурсов в России первой половины XIX в. Хронологические рамки исследования охватывают полвека – с первых лет XIX века до конца Крымской войны (1856). В данном временном периоде основное внимание уделено русско-французским войнам начала XIX в. и русско-польской войне 1830–1831 годов, оказавшим непосредственное влияние на формирование русской имперской идеологической парадигмы, 1830-м годам – эпохе становления «национального» государства Николая I, концу 1840-х годов – моменту окончательной европейской изоляции Российской империи и Крымской войне 1853–1856 гг., обозначившей военно-политический крах николаевской государственности. Таким образом, очерчивается некий исторический сюжет: от триумфа русского оружия и идеологии в 1814 году до их провала в 1856-м. В центре внимания оказываются, с одной стороны, государственные манифесты, рескрипты и приказы, транслирующие официальную властную трактовку происходящих военных событий, с другой – поэтические тексты, этими событиями вызванные. Поэзия и государственная риторика, посвященные одной теме, окруженные одним и тем же историко-политическим контекстом, демонстрируют столь заметное сходство, что его игнорирование не представляется возможным. Наблюдается очевидная взаимопроницаемость идеологических конструктов и литературных смыслов. Являясь областью метафоропорождения и метафоронакопления, литература служит своего рода депозитарием идеологических констант и одновременно задает критерии для оценки их реализации. Изучение взаимодействия императорского публичного слова и военной поэзии позволяет установить роль последней в формировании идеологии различных десятилетий первой половины XIX века.

Степень научной разработки темы. Сравнительное изучение стихотворных и публичных политических текстов ставит перед исследователем методологическую задачу, которая ранее решалась исследователями на ином материале. Основной научной парадигмой, в рамках которой сравниваются произведения различной дискурсивной природы в настоящий момент остается теория «нового историзма» Стивена Гринблата¹. С точки зрения Гринблата, эстетика является не альтернативной сферой бытия человека, а способом усиления единственной области его присутствия – физической реальности. Политика и поэзия, соответственно, являются родственными системами, между которыми происходит определенное взаимодействие в каждый конкретный момент времени. Специфику и законы этого взаимодействия и должен рассматривать ученый, идя не от метода к материалу, а наоборот, разрабатывая уникальный способ анализа исторического сюжета. Тезис об отсутствии у литературы структурного отличия от других дискурсов присутствует и в интерпретативной теории культуры Клиффорда Гирца. Литература не обладает монополией на метафорическую природу своего слова: и политический, и научный, и даже повседневный язык глубоко метафоричны, поскольку данный троп заложен в механизме человеческого мышления вообще². Литературный и идеологический дискурсы, с точки зрения Гирца, имеют сходную природу: в центре обоих находится метафора. Политической силе необходимо «выстроить убедительную систему идеологических метафор», автору литературного текста – создать убедительный метафорический мир. Продолжая мысли Гирца, А. Л. Зорин развил идеи Гирца на материале культуры и литературы второй половины XVIII – первой половины XIX веков – периода, когда складываются основные базовые идеологемы, значимые для всего последующего развития русской культуры. Литература, по мысли Зорина, имеет особый исследовательский статус: не

---

¹ Greenblatt St. Towards a Poetics of Culture // The New Historicism. 1989. P. 1–14.

² Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Интерпретация культур. М., 2004. С. 9–42.

обладая монополией на метафору, «она является областью и метафоропорождения, и метафоронакопления *par excellence* и, следовательно, может служить идеальной лабораторией для изучения механизмов производства смыслов»³. Идеологические конструкты влияют на литературу, а та влияет на идеологию – они взаимопроницаемы. Более того, поскольку литературный язык может создавать метафоры в наиболее чистом виде, «литература приобретает возможность служить своего рода универсальным депозитарием идеологических смыслов и мерилom их практической реализованности»⁴. В ходе образования идеологемы проходят через фильтры дополнений и искажений, вытаскиваются различными институтами и лицами. «И если практическая политика проверяет поэзию на осуществимость, то поэзия политику – на емкость и выразительность соответствующих метафор»⁵. С этой точки зрения военная поэзия первой половины XIX века и официальная государственная риторика дают богатый сравнительный материал, демонстрирующий близость фикциональных и нефикциональных текстов. Несмотря на значительное число работ, посвященных преломлениям идеологических концептов в отдельных поэтических текстах и у отдельных авторов, этот материал никогда не рассматривался системно. Кроме того, исследователями обычно игнорировалась «массовая» поэзия эпохи, в которой эстетическая функция текста крайне редко превалирует над идеологической. Именно отсутствием такого системного описания, проведенного на широком поэтическом материале, обусловлена **актуальность** диссертационной работы. Этот пробел остается достаточно ощутимым для историка литературы, поскольку не позволяет в должной мере проследить континуальность идеологической линии в русской поэзии и оценить степень и границы идеологической функциональности поэтического дискурса.

---

³ Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 25.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же.

Все это определяет **цель** работы: изучить взаимное влияние военного политического и поэтического дискурсов в России первой половины XIX века – эпоху формирования русской имперской идеологической парадигмы; выявить литературную составляющую и динамику влияния военной поэзии, в том числе массовой, в идеологическом строительстве в разные десятилетия этого временного периода.

Такая цель требует сформулировать следующие **задачи** исследования:

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Изучение государственных документов времен войн Третьей и Четвертой коалиций (1805–1807), Отечественной войны 1812 года, Заграничного похода русских войск (1813–1814), Польского восстания и Русско-польской войны (1830–1831), периода складывания новой национальной идеологии 1830-х годов, а также последовавшей за Французской революцией (1848) изоляционистской политики и Крымской войны 1853–1856 годов.

2. Анализ современной названным событиям военной поэзии, выявление элементов, общих для императорского красноречия и стихотворных текстов, установление их источника.

3. Оценка степени воздействия поэтического дискурса на формирование государственной идеологии разных лет первой половины XIX века.

4. Характеристика изменений в характере взаимодействия политического и поэтического дискурсов в различные моменты выбранного временного периода.

Объектом исследования является взаимодействие государственного и поэтического дискурсов и его изменение в течение первой половины XIX в.

Предметом стали императорские манифесты, приказы, рескрипты, грамоты и военная поэзия 1805–1816 годов, 1830-х, второй половины 1840-х и времен Крымской войны (1853–1856), рассмотренные в широком историческом контексте с привлечением мемуаров, эпистолярия и иных частных и официальных документов эпохи. Из рассмотрения были

сознательно исключены Русско-шведская война (1808–1809), Русско-турецкие и Русско-персидские войны 1800-х и 1820-х годов, Восстание декабристов и полувековая Кавказская война (1817–1864). Это было продиктовано как необходимостью ограничения и без того очень обширного материала, так и тем, что, на наш взгляд, эти военные кампании находятся несколько на периферии магистральной линии идеологического строительства эпохи.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Военная тема в русской поэзии – одна из самых консервативных, в ней предполагается самое высокое содержание, а потому решается она чаще всего в оде, причем одический модус в военных стихотворениях сохраняется и тогда, когда русская литература вступает в фазу высокого реализма (в середине 1850-х годов).

2. Военная поэзия в России резко изменилась во время русско-французских войн начала XIX века и тогда начала участвовать в идеологическом строительстве Российской империи.

3. Главную роль в этом процессе сыграла батальная поэзия В. А. Жуковского 1806–1816 годов.

4. Национальные концепты, созданные в двух первых десятилетиях XIX века и имевшие явный гражданский смысл, стали субстратом идеологии Николаевского государства, однако в 1830-х годах Российская империя исключила идею гражданственности из своей аксиологии.

5. После Французской революции 1848 года Российская империя окончательно изолировалась от Европы, ее основными концептами стали государственно-охранительные – *Святой Руси* и *Святого дела*.

6. Такая ценностная структура лишила поэзию возможности влиять на государственную идеологию, что было продемонстрировано в эпоху Крымской войны, в течение которой не было создано ни одного действительно значительного стихотворного произведения.

Метод исследования. При написании работы использовались преимущественно историко-литературный и сравнительно исторический подходы к материалу, ориентированные на анализ литературных произведений и идеологических концептов в максимально широком социокультурном контексте.

Научная новизна исследования обусловлена обращением к проблеме, которая еще не была системно рассмотрена в науке. Изучение взаимовлияния политического и поэтического дискурсов ранее проводилось на менее широком материале и преимущественно «точечно», игнорировалась континуальность взаимодействия государственного красноречия и современной ему поэзии, посвященной военной теме.

Апробация диссертации. Основные положения диссертации излагались в докладах «“Особый путь” как тема поэзии и политического красноречия 1812–1815 гг.» на «XLVIII Международной филологической научной конференции» Санкт–Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 2019) и «“Певец во стане русских воинов” В. А. Жуковского как идеологический текст» на «Международных научных чтениях памяти В. Э. Вацура» (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН, 2020), а также на заседаниях Отдела пушкиноведения ИРЛИ РАН и в статьях, опубликованных в журналах, внесенных в перечни ВАК и РИНЦ и международные базы научного цитирования (Web of Science и Scopus).

Основное содержание работы

Структура работы обусловлена хронологической и тематической компоновкой представленного материала. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи исследования, рассматривается историография вопроса.

Первая глава диссертации («Государственные и поэтические триумфы времен русско-французских войн начала XIX века») состоит из четырех разделов.

Первый раздел («Военная тема в поэзии второй половины XVIII – начала XIX веков») посвящен репрезентации войны в русской поэзии XVIII и первых лет XIX века. Основные ее принципы – риторическая доминанта, аллегоризм, абстрактный гиперболизм – определились уже в оде «На взятие Хотина» (1739) М. В. Ломоносова, «баталистике» которого наследовали другие поэты елизаветинской и екатерининской эпох. Авторами XVIII века почти не создается собственных аксиологических систем. Со второй половины 1770-х годов, особенно в поэзии Г. Р. Державина, в жанре торжественной оды происходят заметные стилистические изменения – она становится, в частности, более интимной, в нее допускаются «низкие» слова и комическое. Однако «военные» торжественные оды оказываются вне этого процесса – величие героической темы заставляет поэта писать только «высоким» слогом, не снижая героической патетики. Некоторую новизну в разработку военной темы внес классицизм: в ряде произведений Г. Р. Державина 1790-х годов («На взятие Измаила», «Водопад», «На взятие Варшавы», «На победы в Италии», «На переход Альпийских гор») ощутима классицистическая стилистическая струя, сообщающая военной теме больший лиризм и субъективирующая лирическое «Я». Своего рода «маргинальной» линией батальной темы становится «гусарская» поэзия, наследовавшая не традиции высокой оды, а выросшая из анакреонтики второй половины XVIII века. Автором, утвердившим жанр гусарской песни, был Д. В. Давыдов. В трех стихотворениях 1804 года («Бурцову. Призывание на пунш», «Бурцову» и «Гусарский пир») Давыдов, не опускаясь до бурлеска и ироикомичности и не снижая героического пафоса, соединяет военную тему (бесспорно «высокую» и, казалось бы, неспособную к неодическому выражению) с «низкой» фразеологией и комическим. Однако ранняя поэзия Давыдова не оказала значительного влияния на поэзию первого десятилетия XIX века.

Масштабные европейские кампании России воодушевили «записных стихотворцев» на создание традиционных одических текстов.

Второй раздел («Возникновение поэтической идеологии: европейские войны 1805–1807 годов») посвящен изучению истории возникновения *поэтической идеологии*, которая в ходе европейских войн 1805–1807 годов начинает расходиться с идеологическими фреймами, создающимися в государственном красноречии. Основным материалом для раздела послужили, с одной стороны, императорские приказы и манифесты 1805–1807 годов, с другой – впервые систематизированные в рамках настоящего исследования военные стихотворения этих лет, опубликованные в периодике.

В первом десятилетии XIX века монаршее слово критически важно для военной поэзии – манифесты и иные публичные документы задают систему идеологических координат, в пространстве которой стихотворцы создают свои произведения. В начале первого этапа русско-французского противостояния (война Третьей коалиции), в отсутствие императорского манифеста, русская поэзия, не получив внятных аксиологических рамок, почти не откликается на военные события. Второй этап противостояния (война Четвертой коалиции) император сопровождает тремя манифестами, опубликованными с конца лета до начала зимы 1806 года. В данных текстах формулируется идеологическая система, в центре которой стоит концепт довольно *самостоятельного русского народа как всесловного объединения*, чем на государственном уровне санкционируется *русская национальная идея*. В течение второй половины 1806 – первой половины 1807 годов выходит около двух десятков военных стихотворений, в значительной части которых звучат *гражданские мотивы*. Самым ярким текстом рассматриваемого периода становится «Песнь барда над гробом славян-победителей» В. А. Жуковского, впервые за всю историю русской военной поэзии выходящая за границы предписанной государством идеологической схемы. Жуковский идейно отталкивается от аксиологии манифестов, а

стилистически – от жанра «военной» торжественной оды, сочетая ее с классицистическим «военным плачем», благодаря чему вносит индивидуальное лирическое чувство в, казалось бы, самую надындивидуальную военную героину. «Песнь барда...», посвященная запретной теме поражения под Аустерлицем, была адресована не власти, а обществу и преодолевала важный в истории русской поэзии рубеж: *поэтическая героизация поражения* удовлетворяла сложной читательской потребности в вере в победу после поражения. Стихотворение стало своего рода «социальным медиатором», именно здесь Жуковский выступил «Тиртеем славян» – поэтом, взявшим на себя функцию поднятия духа и мобилизации общества. Текст «Песни барда...» насыщен мотивами, которые будут разрабатываться в военной поэзии далее: *подвигов и смерти простых воинов, «малой родины» – семьи и дома, за который сражается воин, проводов супруга / возлюбленного на бой.*

В третьем разделе («Эпоха перемен: 1812–1814 годы в батальной поэзии и государственном красноречии») рассматривается переломный момент истории русской идеологии – 1812–1814 годы. Стихотворным материалом раздела, в основном, послужили тексты «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», достаточно рельефно демонстрирующее идеологические сдвиги в общественном сознании эпохи.

В течение лета и осени 1812 года оформляется система канонических лейтмотивов императорского красноречия времен Отечественной войны и Заграничного похода: *храбрости русских, истории побед русских, единства русских, Бога, освобождения Европы, русского народа и царя.* Те же мотивы постепенно оказываются в центре структуры большинства поэтических текстов. После манифеста от 8 сентября («О сдаче Москвы») публичные императорские грамоты приобретают отчетливое *гражданское* звучание: *русский народ* – впервые в государственном красноречии Российской империи начинает восприниматься как основной деятель истории.

Постепенно мотив *народа* усиливается и в поэзии, хотя здесь все еще больше текстов, славящих *царя* и *Бога*.

Определенный идеологический перелом в публичных государственных документах наблюдается уже 17 октября в «Известии из Москвы», опубликованном после ухода французов из первопрестольной. Текст преподносит войну с Наполеоном как *онтологическую схватку Бога с дьяволом*. С одной стороны, в документе продолжает признаваться особая значимость русских, с другой – в нем начинается перемещение фокуса с народности войны на ее *мистическую природу*. Данная аксиологическая переориентация императорских грамот, с одной стороны, выражает взгляды на войну А. С. Шишкова – фактического автора манифестов, а с другой идет параллельно с усилением мистических настроений Александра I. К концу 1812 года в публичных грамотах акциональность *народа* полностью нивелируется. Образованная в государственной риторике идея народа как носителя определенной идентичности и субъектности сменяется идеей народа как *пассивной силы, обязанной активизироваться только в случаях посягательств на православную веру, фигуру монарха или государство*. В поэзии же осени – начала зимы 1812 года наблюдаются обратные тенденции: в ней все громче звучит *гражданский* пафос. В послании «Вождю победителей» Жуковского главным героем войны назван «народный» генерал Кутузов. В стихотворениях конца года фельдмаршал предстает воплощением всего русского, квинтэссенцией народа (например, в «Стихах Святлейшему князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому» П. И. Шаликова). В некоторых текстах русские становятся основной и самостоятельной исторической силой, противостоящей захватчикам (см. «Песнь на освобождение царствующего града Москвы октября 11 дня 1812 года» С. В. Юшкова).

В октябре 1812 года Жуковский пишет, а в декабрьском номере «Вестника Европы» публикует «Певца во стане русских воинов» – текст, ставший главным военным стихотворением времен Отечественной войны и

Заграничного похода. В нем Жуковский соединяет лиризм и эпичность, создавая поэтический прецедент: *индивидуальным чувством окрашены* не столько военные события, сколько *общераспространенные в манифестах и поэзии идеи-мотивы*, распределенные по отдельным здравицам лирического героя. Если в подавляющем большинстве стихотворений 1812 года названные выше мотивы звучат объективно, поэты лишь устанавливают систему их подчинения (в определенных текстах важнее *Бог* или *царь*, в каких-то особо акционален *народ*), то в «Певце...» каждый мотив рассмотрен через индивидуальную призму лирического «Я». В мотиве славного *Отечества* совмещается как государственное («И царский трон, и прах царей»), так и интимное, неполитическое понимание этого слова («...там родших милый дом, / Там наши жены, чада»); самой маленькой здравнице, посвященной *царю*, противостоит самая объемная (в 9 раз больше), где лирический герой обращается к *ратникам и вождям*, показанным как *гражданские герои*; мотив же *воинства* понят не как императорская армия, а как «святое братство». В особенно лирической части произведения поднимаются кубки *дружбе и товариществу, творчеству и любви*, которая воодушевляет воинов на подвиги (а не *царь* или *Бог*).

В государственном красноречии 1813 года над всенародными манифестами преобладают приказы армии: в них основной субъектностью обладает *царь*, а *войско* как организованная императором сила замещает собой *народ*. В течение года грамоты приобретают отчетливое государственное звучание. Мотив *единства*, сопровождавший ранее мотив *народа*, ныне обретает новое значение – единства России и союзных европейских государств; мотив *свободы*, тоже обладавший гражданским измерением, явлен либо в варианте освобождения Европы от Наполеона, либо в новом понимании: *свобода* отныне – возможность народа находиться под «своей властью», началом монарха, венчаного на царство Богом. В поэзии 1813 года преобладает мистическое понимание войны, однако в некоторых произведениях продолжают звучать гражданские мотивы. Две эти

линии уже в начале года старается примирить Державин в ««Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из Отечества», в котором предлагает новую идеологическую рамку: в онтологическом сражении добра (России) со злом (захватчиками) на стороне русских выступает *Бог*, чем делает из них *богоизбранный народ*. Кажущаяся вначале вторичной, идея Державина, в действительности, противоречит мысли об общеевропейском единении, звучавшей и в манифестах, и множестве современных стихотворений. Поэт на несколько лет опережает государственную мысль, которая сходным образом сможет примирить мотивы *Бога* и *народа* только в конце кампании 1814 года, чем на ближайшие пятьдесят лет исключит идею гражданственности из политического дискурса.

С начала 1813 года до середины весны в поэзии нарастает число мистически ориентированных текстов. В стихотворениях второй половины года сложно выявить магистральную идеологическую линию: мотивы *Бога*, *царя* и *народа* могут быть равносубъектны в рамках одного текста. Крайне важно, однако, что *гражданская идея* продолжает звучать в поэзии и тогда, когда уже совершенно исключается из государственного красноречия («К Отечеству» А. Ф. Воейкова).

Через 2 месяца после того, как русская армия триумфально вступила в Париж, 18 мая 1814 года вышел манифест о мире между Россией и Францией, в котором происходит важная трансформация: *Отечество* окончательно теряет свой гражданский смысл, объясняясь через первый и второй элементы тройной формулы «За веру, царя и отечество». Отечество теперь – это вера русских и верность монарху. Поэзия с апреля до конца 1814 года, также впервые систематизированная в настоящем исследовании, единодушна в восхвалении *царя* Александра. Почти невозможно найти стихотворение, посвященное победе России, чтобы главным триумфатором в нем был не монарх. Царь вдохновлен *Богом*, во множестве текстов используется только что возникший титул Благословенного. Божественность фигуры Александра при этом не погружает его в мистический сюжет войны,

скорее наоборот, – *Бог* становится героем государственного сюжета. Главным стихотворением 1814 года становится послание «Императору Александру» Жуковского. В центре текста – образ *царя*, ведущего за собой *русских*; звучит общая для современной поэзии мысль о том, что сила народа заключается в верности царю. Русские отстаивают принципы *свободы*, причем «свобода» синонимична монаршей власти. Однако в произведении довольно силен гражданский пафос. *Русские* в стихотворении защищают не только царя и веру, но и соотечественников, историческую славу России и ее будущее. В послании сформулирован смысл царского служения: *царь* предстательствует за свой *народ* перед *Богом*, его жизнь – пасторская миссия, которой он не может избежать. Жуковский выступает против высшего закона подчинения (Бог властвует царем, а царь – народом), сформулированного в современной поэзии, предлагая концепт политического диалога: царь отвечает перед Богом за народ, а народ молится за монарха. Так похвала в «Императору Александру» становится поучением. Жуковский переворачивает традиционный поэтический сюжет Отечественной войны: он становится назиданием не врагу или русскому народу, а русскому царю.

Несмотря на то, что в поэзии разных периодов Отечественной войны и Заграничного похода образуется ряд текстов с общей идеологией, следующей государственной, именно в это время поэтический дискурс эмансипируется от государственного. В течение 1812 года в поэзии образуется веер аксиологических возможностей: поэт может петь славу царю, Богу или русскому народу.

В четвертом разделе («1816 год: эпилог наполеоновских войн») демонстрируется окончательная переориентация государственного красноречия – смысл Отечественной войны и Заграничного похода формулируется через *мистический сюжет*, представленный в последнем «военном» манифесте Александра I от 1 января 1816 года. С этого момента

принципиально меняется и идеология поэзии Жуковского: в «Певце в Кремле» поэт концентрирует акциональность в образе *Бога*.

Вторая глава диссертации («1830 – 1849 годы: От «национального» государства к полной европейской изоляции») носит преимущественно обзорный характер и служит соединительной по отношению к двум важнейшим для настоящей работы историческим периодам. В главе рассматриваются только главные государственные документы и стихотворения авторов по преимуществу первого ряда. Данная глава состоит из двух разделов.

В первом («Европейские революции 1830 года, Польское восстание и создание Николаевского государства») рассматривается влияние Июльской революции 1830 года во Франции и вызванного ей Польского восстания (1830–1831) на идеологию Российской империи и демонстрируется, как новая николаевская аксиология, опираясь на идеологемы второго десятилетия XIX века, трансформирует их, лишая былой гражданской направленности.

Польское восстание уподоблялось в русском обществе нашествию французов в 1812 году. Поэтический отклик на русско-польское противостояние соответствовал общим настроениям: стихотворцы в своих текстах выражали убеждение в возможности только силового решения польского вопроса. Главным поэтическим событием 1831 года стала брошюра «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина», включавшая «Клеветников России» и «Бородинскую годовщину» Пушкина и «Старую песню на новый лад» Жуковского. Все три стихотворения вырастают из традиции поэзии Отечественной войны и Заграничного похода, однако посвящены совершенно иной войне: не национальной оборонительной, а имперской. В дружеском кругу Жуковского и Пушкина они вызвали острую полемику.

В середине 1830-х годов Николай I начинает создавать новую идеологию Российской империи, основывающуюся на уваровской триаде

«Православие. Самодержавие. Народность», которая, в свою очередь, опирается на формулу «За веру, Царя и Отечество» времен русско-французских войн. «Национальное» николаевское государство лишает понятие *русский народ* гражданского измерения (с этим связано предпочтение неологизма «народность» понятию «нация»), третий элемент триады не обладает собственным отчетливым смыслом, он объясняется через два первых слова: дифференциальные черты русского *народа* – его приверженность *Богу* и *царю*.

В течение 1830-х Николай совершает несколько важнейших идеологических действий. В 1833 году принимается национальный гимн, для которого Жуковский переписывает свою «Молитву русского народа» 1813 года. Новый текст оказывается посвящен не могуществу *Бога*, а силе русского *царя*. Кроме гимна, Жуковский пишет целый ряд патриотических стихотворений – в николаевском понимании этого слова, – становясь в четвертом десятилетии XIX века личным императорским Пиндаром. Он выписывает образ *Николая-богатыря и героя*, который станет каноническим в поэзии 1840-х – 1850-х гг.

В августе 1834 года на Дворцовой площади был торжественно открыт монумент в честь прошлого императора, победителя Наполеона. В колонне современники – в том числе Жуковский – видели аллегория могущества и непобедимости нынешней России. В августе же 1839 года состоялось торжество по случаю установки памятника на Бородинском поле, на которое Жуковский отозвался стихотворением «Бородинская годовщина». Основанное на «баталистике» автора начала века, стихотворение добавляет к ней отчетливый милитаристский пафос. Жуковский, ставший одним из главных идеологов николаевского государства, создает образец «правильной» патриотической поэзии, вторящей государственным концептам, которая будет почти без изменений перенесена в патриотическую поэзию 1840-х – 1850-х годов.

Во втором разделе («*Святая Русь и Русский Бог против европейских революций 1848 года*») речь идет о реакции русского государства на революцию 1848 года во Франции. Французская революция, способствовавшая росту республиканских настроений в Европе, вызвала сильнейшие опасения российского императора. В николаевских манифестах 1848 – 1849 годов возникают новые идеологемы, аксиологически окончательно изолирующие Россию от Западного мира – находящейся в конфронтации с Европой *Святой Руси* и *Святого призвания* России, то есть обязанности русских с оружием в руках охранять «истинный», абсолютномонархический, политический порядок как в России, так и за ее пределами. Самым заметным поэтическим откликом на манифесты стало стихотворение Вяземского «Святая Русь», в котором автор, еще недавно споривший с «патриотическими» поэтами, сам становится апологетом официального консерватизма. Жуковский, откликнувшийся на стихотворение Вяземского «Письмом к кн. П. А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”» также выражал убеждение в крахе Западной цивилизации, противопоставляя Западу идею *Святой Руси* и считая, что исторической миссией России является создание цивилизации нового типа.

Третья глава диссертации («*Крымская война – кризисы и поражения поэзии и государства*») также состоит из двух разделов.

Первый раздел («*Русско-турецкая война – вера в могущество России*») посвящен сопоставительному анализу императорских грамот и поэзии 1853–1854 годов. В царском манифесте «О движении российских войск в Придунайские княжества» Николай объясняет Русско-турецкую войну, начавшуюся 14 / 26 июня 1853 года вводом русских войск в Молдавию и Валахию, охранительными мотивами – защитой православных подданных турецкого султана. *Святая Русь*, таким образом, защищает *святую веру* и истинный исторический порядок, чем совершает делегированное ей *Богом Святое дело*, смысл которого уже был

сформулирован в царских грамотах 1848–1849 годов. В следующем манифесте от 20 октября повторяется пафос религиозной войны.

Поэзия отреагировала на манифесты в исключительно мажорной тональности: в стихотворениях повсеместно звучит «ура» (которое станет обязательным элементом военной лирики Крымской войны), поэты убеждены в скорой победе русского оружия. Важнейшим поэтическим произведением начала войны является «Ура» Ф. Н. Глинки, в котором автор предсказывает будущее противостояние России с Англией и Францией и задает тон для стихотворений 1854 г. – *война одинокой, но издревле могучей России против европейских предателей и извечных врагов турок*, – создавая сильный образ трехгранного штыка (единственный истинно авторский в данном тексте), которым русские солдаты будут разить трех противников одновременно. В поэзии осени–зимы 1853–1854 годов звучит *защитная риторика*, используются образы *креста* и *крестоносцев*, особо субъектными становятся мотивы *Бога* и *царя*. Исключением из этого правила являются редкие стихотворения, написанные простыми участниками войны в жанре солдатской песни. Они характеризуются меньшей идеологизированностью и редкой для поэзии Крымской войны искренностью. Однако «патриотические» поэты довольно скоро осознают потенциал подобных текстов и начинают имитировать их, лишая индивидуального авторского чувства. Одним из самых плодовитых таких поэтов станет Вяземский (цикл «Дунайские песни»).

Поэзия первой половины 1854 года продолжает следовать государственной идеологии. В ней почти повсеместно звучат мотивы *Святой Руси*, *Святого дела* России и *царя* Николая, который уподобляется *богатырю*. *Богатырство* императора транслировалось не столько через государственное красноречие, сколько через публичное поведение Николая I. Высокий и атлетически сложенный император любил казаться грозным и несокрушимым, что отразилось, в частности, на многочисленных портретах.

Одним из самых заметных верноподданнических стихотворений становится «Коляска» А. Н. Майкова.

Особое место в поэзии Крымской войны занимает мотив *православия*. В идеологии николаевской России *вера*, бывшая при Александре I синонимичной христианству вообще, ограничила свое значение и стала ассоциироваться исключительно с христианством восточным. В ситуации начинающегося противостояния России и христианских европейских стран *православие* все громче звучит в стихотворных текстах, становясь в начале 1854 года синонимом всего *русского* (так возникают «православный Дон», «православные корабли» и банный «православный жар»). После манифеста 11 апреля, в котором идея *религиозной войны* экстраполируется и на христианские европейские страны, Россия официально начала воевать против объединенных сил Турции, Англии и Франции.

На фоне идеологически правильной поэзии 1854 года интересны тексты, намеренно или случайно от канона отклоняющиеся и потому не попавшие в печать («Я слышу грозный клич: война!» М. А. Карлина, «России» и «Суд Божий» А. С. Хомякова, «На европейские события в 1854 году» только что переведенного в Семипалатинск и жаждущего вернуться в литературу Ф. М. Достоевского).

О разочаровании русского общества, ожидавшего короткой победоносной войны, свидетельствует заметное сокращение количества военных стихотворений осени–зимы 1854 года. Задуманная цензурным террором позднего николаевского государства поэзия не могла служить выразителем смены общественных настроений, ей нечего было предложить взамен победоносной идеологической риторики. Побороть общее уныние пытается штатный автор Третьего отделения Ф. В. Булгарин, выпускающий осенью 1854 года в «Северной пчеле» по несколько патриотических стихотворений в месяц.

Во втором разделе («Россия против Турции и Европы: конец Николаевской России и триумф *Святой Руси*») анализируются тексты

1855–1856 годов. Манифест «О призывании к государственному ополчению» 29 января 1855 года вызвал несколько стихотворений авторов не первого ряда. В обществе мало кто уже верил в победу, даже силами общероссийского ополчения. Документ заметно отличается от манифестов о созыве ополчения предыдущих лет тем: в нем звучит не обычный для таких текстов *сословнообъединяющий пафос* и убежденность в *акциональности народа*, а утверждение, что в годы испытаний Россию «спасали всегда смиренная вера в Провидение и тесная, ничем незыблемая связь Царя с подданными». Характерно и название: «народное ополчение» времен наполеоновских войн сменилось ополчением «государственным».

Кончина Николая I 18 февраля 1855 года поначалу шокировала все общество, однако совсем скоро представители различных социальных групп стали надеяться на перемены, которые принесет правление нового императора. Надежды на окончание войны и долгожданные реформы звучат и в поэзии, причем в том числе поэтов, которые в предыдущие годы войны во всем соглашались с политикой Николая I (например, «Первое чувство при вести о нежданной кончине государя» Ф. Н. Глинки или «Плач и утешение» П. А. Вяземского).

Одной из главных тем поэзии первой половины 1855 года становится героическая оборона Севастополя. Авторы некоторых текстов, написанных в сложные месяцы зимы-весны, игнорируют идеологические штампы и пытаются выразить только восхищение мужеством защитников крымской крепости («Защитникам Севастополя» А. Г. Ротчева). Самым ярким поэтическим произведением года является сатирическая «солдатская» песня «Как четвертого числа...» Л. Н. Толстого, широко распространявшаяся в списках. Вообще, в течение 1855 года возникает все больше поэтических произведений, демонстративно отказывающихся петь войну и критикующих как государственное устройство, так и поэзию Крымской войны (например, «Внимая ужасам войны» Н. А. Некрасова и ряд стихотворений Н. А. Добролюбова, особенно «Газетная Россия»). В ситуации невозможности

сложения правильных, «гудковых», стихотворений поэты обращаются к теме мужества защитников крымской твердыни, поэтому значительное количество стихотворений 1856 года посвящено возвращению воинов-севастопольцев.

Массовая поэзия Крымской войны, не явившая ни одного по-настоящему значимого для истории литературы произведения, была продуктом сформированной в 1830-х – 1840-х годах николаевской идеологии, идеологии *Святой Руси*, противостоящей *безбожному Западу*.

В Заключении подводятся итоги работы и формулируются возможные пути для дальнейших исследований: изучение ненапечатанных стихотворений, несомненно, важных для понимания контекста, в котором происходило идеологическое строительство первой половины XIX века; внимательный анализ прозаических произведений, начавших со второй четверти XIX века играть особую роль в русской литературе; рассмотрение театра, на подмостках которого все XIX столетие обсуждались самые острые социальные проблемы.

Настоящее диссертационное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90009.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90009.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

в рецензируемых научных изданиях:

1. Халиуллин К. Р. *Человек буянящий*: разгульное поведение в первой трети XIX века и литературный контекст (лирика Д. В. Давыдова, «Выстрел» А. С. Пушкина) // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия «Филология». 2019. №1 (60). С. 62–68.

2. Халиуллин К. Р. «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» Г. Р. Державина как предсказание идеологического поворота 1813–1815 годов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 4. С. 57–61.

3. Халиуллин К. Р. Антинаполеоновские кампании 1805–1807 годов и военная тема в русской поэзии // Русская литература. 2021. № 3. С. 142–155.

в других изданиях:

4. Халиуллин К. Р. «Комическое в поэзии Д. В. Давыдова» // XVII Международная конференция студентов-филологов, Санкт-Петербург, 7–12 апреля 2014 г.: Тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. С. 161.

5. Халиуллин К. Р. «Гусарские послания» Дениса Давыдова и жанр дружеского послания 1810-х годов // XVIII Международная конференция студентов-филологов СПбГУ, Санкт-Петербург, 6–11 апреля 2015 г.: Тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 92–93.

6. Халиуллин К. Р. Гусары в прозе А. С. Пушкина («Повести Белкина») // XX Открытая конференция студентов-филологов СПбГУ, Санкт-Петербург, 17–21 апреля 2017 г.: Тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2017. С. 105–106.